

УДК 008: 821.161.1.09

DOI: 10.17223/22220836/34/7

Е.Г. Серебрякова

«ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЁХ» В КОНТЕКСТЕ «ПЕТИЦИОННЫХ КАМПАНИЙ» СОВЕТСКИХ НОНКОНФОРМИСТОВ 1960-Х ГОДОВ: СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ «ПРАВОЗАЩИТНИК»

Автор анализирует поведенческие стратегии советских нонконформистов 1960-х гг., апробированные в ходе защитных действий по «делу Синявского и Даниэля» и «процессу четырёх». Цель статьи – проследить динамику массового сознания либеральной интеллигенции. Материалом исследования послужили «защитные письма», собранные Александром Гинзбургом в «Белой книге по делу Синявского и Даниэля» и Павлом Литвиновым в сборнике «Процесс четырёх». Их анализ позволяет выявить специфику нонконформистской позиции и обнаружить трансформацию поведенческих стратегий.

Ключевые слова: диссиденты, нонконформисты, поведенческие модели.

1960–70-е гг. в общественной жизни страны ознаменовались судебными процессами над инакомыслящими. По свидетельству Г. Свирского, только за пять лет, с 1965 по 1970 г., их было 50 [1. С. 120]. Для власти показательные политические процессы являлись способом профилирования довольно многочисленного околодиссидентского культурного слоя. Суды над оппозиционными писателями, а впоследствии и известными правозащитниками должны были дискредитировать интеллигентскую оппозицию в глазах простых людей, напугать интеллектуалов и таким образом предотвратить организованное инакомыслие. Либеральная интеллигенция воспринимала каждый судебный процесс как вызов, требующий ответных действий во имя предотвращения реставрации сталинизма.

«Петиционные кампании» в защиту инакомыслящих, подвергнутых уголовным преследованиям, в социальной практике нонконформистов составляют особую форму протестной деятельности: по признанию Людмилы Алексеевой, подпись под документом в защиту репрессированного становилась первой пробой на готовность всерьёз приобщиться к диссидентской деятельности [2. С. 222–223]. Из повседневно-будничного поведения данная акция переводила «подписанта» в сферу социально-гражданскую, наделяла статусом активного участника общественных процессов. Анализ «писем протеста» позволит оценить стереотипы массового сознания и поведенческие клише советского интеллигента, ориентированного на либеральную систему ценностей.

«Петиционные кампании» 1960–70-х гг. набирали размах постепенно. От одного судебного процесса к другому расширялась география «эпистолярного движения», множился социальный состав «подписантов», отрабатывалась аргументация защитников осуждённых и репрессивная стратегия властей. Массовый характер «письма защиты» приобрели в ходе судебного процесса над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Кульминацией эпистолярной

активности явился суд над Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой.

Собрания «защитных писем» содержатся в «Белой книге по делу Синявского и Даниэля» Александра Гинзбурга и сборнике «Процесс четырёх» Павла Литвинова. Данные сборники составят материал исследования. Сопоставление эпистолярной реакции на различные процессы позволит выявить общие мотивы, определявшие персональное вмешательство в «подписную кампанию», и проследить динамику массового сознания либеральной интеллигенции.

«Защитные письма» в ходе процессов направлялись в различные государственные институты: Верховные суды РСФСР и СССР, редакции центральных газет, лично членам Правительства. Отправители непременно указывали обратные адреса, зачастую – должность и место работы. Возникнув как прагматический шаг (советские инстанции имели право не реагировать на анонимные обращения), эта самопрезентация в ходе последующих петиционных кампаний приобрела статус одного из правозащитных принципов – гласности в освещении политических процессов. Таким образом инакомыслящие заявляли претензии на легальность.

Безусловно, письма в официальные инстанции фиксировали отредактированную версию массовых реакций либеральной интеллигенции. Осознавая всю меру ответственности, авторы должны были взвешивать формулировки и требования, отдавать себе отчёт в предполагаемых ответных действиях. В среде единомышленников, безусловно, использовалась иная риторика. Анализ текстов «защитных писем», сопровождавших дело Синявского и Даниэля и «процесс четырёх», свидетельствует о владении авторами канона письма к Правительству. Тексты композиционно единообразны: вначале излагаются мотивы, заставившие обратиться к властям, затем следует аргументация собственной позиции, принципиально отличной от официальной, в финале формулируются просьбы или требования. Случайные элементы конструкции не допускаются. Адресанты чётко соблюдают жанровую норму, что неудивительно: письма Правительству как особый эпистолярный жанр активно осваивался интеллигенцией с первых лет советской власти.

Адресанты используют стереотипные риторические приёмы: публицистическому высказыванию соответствуют точность выражений и смысловых акцентов, обоснованность собственной позиции, конкретность заявлений. Взвешенность аргументов подчёркивается использованием силлогизмов в качестве риторических фигур. Нормативность поэтики писем выдаёт нормативность картины мира и образа человека, сформированную в сознании авторов. Поведение своё и власти как субъектов общественных отношений адресанты соотносят с канонами, сформированным в советской культуре.

Кроме того, по мнению Е. Суровцевой [3. С. 162–165], «выстроенность» текстов объясняется их «открытым» характером. Действительно, предназначенные не только лично адресатам послания предполагали широкого читателя – потребителя самиздата и слушателя тамиздата (западные радиостанции зачитывали их в эфире). А значит, автор стремился к лёгкому узнаванию текста своей референтной группой. Таким способом осуществлялась консолидационная функция писем – создание общественного мнения, выражающего потребность в подлинно демократичной социальной парадигме.

Комплекс повторяющихся риторических приёмов создает эффект «одного голоса», формирует образ коллективного автора – советского интеллигента, осознающего личную ответственность за судьбу страны. Однако сопоставление текстов двух петиционных кампаний позволяет выявить динамику собирательного образа автора.

Процесс над Синявским и Даниэлем (1966 г.) был первым уголовным преследованием литераторов, в отличие от административного «дела Бродского» (1964 г.). Процессу был изначально дан «литературный» характер: арестованные должны были держать ответ за неправильное поведение советских писателей – публикацию за рубежом антисоветских произведений. Такая трактовка события, навязанная властью, нашла в среде творческой интеллигенции как сторонников, так и противников. Гинзбург представил в «Белой книге» обе точки зрения, солидаризируясь с единомышленниками репрессированных. Писатели-неконформисты восприняли случившееся как дело глубоко личное, связав воедино «чистки» в Союзах писателей сталинской поры, травлю Пастернака и суд над Бродским. Обеспокоенность будущностью интеллигенции, тревога «за судьбу и честь страны», происходящая на их глазах «реставрация сталинизма» – такие мотивы обращения к Правительству являются частотными в посланиях литераторов (А. Гинзбург, 62 писателя, Л. Чуковская и многие другие) и явно отражают не только стремление соблюсти этикет. Среди мотивов, побудивших участников кампании 1965–1966 гг. к обращению в официальные инстанции, ощутимо и естественное в контексте былых репрессий стремление вывести коллег из-под удара.

В ходе петиционной кампании защитники писателей использовали ряд поведенческих приёмов, кажущихся эффективными. Прежде всего, адресанты стремились вызвать у представителей власти сочувствие к обвиняемым, характеризуя их как мужественных людей, несправедливо наказанных: «Юлий Даниэль – человек честный, искренний, свободно мыслящий, душевно щедрый. <...> Даниэль не профессиональный политик, а литератор, но его суждения в области гражданской всегда соответствовали духу решений XX и XXII съездов КПСС» (переводчик А. Якобсон) [4. С. 148]. Показательно, что характеристика личности подзащитного дана автором с позиции не только гуманистической, но и профессиональной. Ту же тактику использовали двумя годами ранее защитники Бродского. Во время процесса Чуковский и Маршак отправили в Ленинград, в народный суд Дзержинского района, телеграмму следующего содержания: «Иосиф Бродский – талантливый поэт, умелый и трудолюбивый переводчик <...> Мы просим Суд <...> учесть наше мнение о несомненной литературной одарённости этого молодого человека» [5. С. 598]. Совпадение приёмов защиты неслучайно. Оно отражает единство мировоззренческой позиции активистов двух кампаний: защита обвиняемых ведётся с позиций социальной справедливости, подразумевает приоритет нравственной оценки личности над юридической. По мнению защитников, Синявский и Даниэль продемонстрировали правильное «литературное поведение»: реализовали право художника на свободу творчества, выразили в произведениях нетерпимость к социальным порокам. Солидаризируясь с арестованными, защитники отстаивают гуманистическую аксиологию: человек – безусловная и абсолютная ценность. Предавать их уголовному суду несправедливо.

Следующим защитным приёмом было убеждение адресатов в политической лояльности Синявского и Даниэля. Обвинения в антисоветской агитации и пропаганде, предъявленные писателям, как считали авторы, могут быть опровергнуты комплиментарной оценкой побудительных мотивов их творчества – «ненависть к культу личности во имя подлинных революционных идеалов» (В. Меникер) [4. С. 155]. Личностные, профессиональные и гражданские качества писателей кажутся авторам достаточным основанием для их оправдания. В соответствии с позицией «защитник» они убеждены, что главные законы человеческого общежития – гуманизм и сострадание, мерилom юридической оценки должна быть справедливость, и настаивают на невинности Синявского и Даниэля.

В ходе следствия художественные произведения писателей были подвергнуты литературной экспертизе. Подписи авторитетных учёных (В.Г. Костомаров, Е.И. Прохоров, А.Л. Дымшиц, В.В. Виноградов) подтверждали антисоветский характер трёх рассказов Синявского и одного, принадлежавшего Даниэлю. Это вызвало ответный тактический приём – научный анализ их прозы, проведённый по всем законам литературной критики тех лет. Ю. Герчук, И. Роднянская, Вяч. Вс. Иванов, И. Голомшток и другие предложили своё прочтение, отличное от официально признанного. Все аргументы, применяемые авторами, имеют целью ввести творчество писателей в поле русской классики, доказать, что «проза, написанная в такой художественной форме, в принципе не может служить основанием для привлечения её автора к уголовной ответственности» (Вяч. Вс. Иванов) [Там же. С. 128].

Как видим, адресанты настойчиво соотносят поступки свои и оппонентов с нормой «литературного поведения», предполагающей для художника слова – бескомпромиссное служение правде, для себя – солидарность с терпящими бедствие собратьями.

Показательно, что юридический аспект процесса – правовые нарушения в ходе следствия, бездоказательность аргументов обвинения на суде и пр. – всякий раз выступает в письмах не как самоценный, а как дополнительный аргумент защиты. Юридическая терминология звучит в письмах редко, преобладает этическая мотивация.

Анализ поэтики писем позволяет утверждать, что в основе аксиологии авторов сохраняется ориентация на диалог с властью. Участники коммуникативного события не разделены непроходимой границей на «своих» и «чужих», в письмах нет непримиримого противостояния интеллигенции и власти. Преобладает позитивная этическая направленность текстов: адресанты верят, что ошибки руководства могут быть исправлены и их письма занимают важное место в системе общественного обновления.

Соответственно, общая интонация посланий взволнованная, но сдержанная. Типичные языковые явления – спокойный тон, сочетание публицистичности с живым чувством, сниженная патетика. Риторика выдержана в категориях этикета. Авторы не используют категоричных формулировок, а высказывают «сомнение» (письмо 5 граждан Л.И. Брежневу), «тревогу» (Ю. Герчук), «горечь и недоумение» (В. Левин), не предъявляют требований, а обращаются с «просьбами», «призывами» и «предложениями». Всякий раз адресат и автор существуют в одном аксиологическом поле, настойчиво и сознательно (не только из тактических соображений) демонстрируют миро-

воззренческое единство. В качестве нормы в массовом сознании либеральной интеллигенции укоренён образ граждански активной личности, солидарной с партией в стремлении к демократизации и оздоровлению общества. Коллективный автор Писем Правительству ждёт от власти логики и последовательности в движении к «истинному социализму», ослабления репрессивной политики, в частности, в отношении людей творческого труда.

Арест Александра Гинзбурга за публикацию в издательстве «Посев» «Белой книги», машинистки Веры Лашковой за перепечатку сборника, Юрия Галанскова за редактирование самиздатского журнала «Феникс-66» и Алексея Добровольского за составление и хранение материалов, предназначенных для самиздата, явился логичным продолжением предыдущего процесса. Власть сделала следующий шаг в профилировании инакомыслящих.

Осознавая высокий статус писателя в обществе и привлекательность для либеральной интеллигенции образа гонимого писателя, организаторы процесса стремились снять с арестованных литературный ореол. Для этого была привлечена дополнительная юридическая аргументация: валютная операция Галанскова, попытки арестованных вести шпионскую деятельность, их связь с НТС. Лишить Гинзбурга и Галанскова статуса писателя было несложно: ни один из них не состоял в творческом Союзе, а составленные и отредактированные сборники «Синтаксис», «Белая книга» (ред. Гинзбург) и «Феникс» (ред. Галансков) имели хождение среди узкого круга читателей сам- и тамиздата. Массовый советский человек должен был возмутиться поведением изменников, уличённых в связях с зарубежным шпионом Броксом-Соколовым, якобы явившимся из-за границы для контактов с арестованными, и укрепиться в презрении к «наймитам империализма». Представить арестованных самозванцами от литературы было важно для изоляции художественной интеллигенции из группы поддержки. Однако любой заинтересованный читатель самиздата и просто материалов газет, как и в предыдущем деле, мог без особого труда обнаружить, что арестованные никакой целеустремленной антисоветской деятельности не вели, их критическое отношение было направлено не на весь строй, в чём их настойчиво обвиняли, а на репрессии в адрес граждан, позволивших себе свободное высказывание и независимый поступок. Либеральная общественность осознала, что уголовное преследование неконформистов становится повседневной реальностью и приложенных в прошлом усилий для ослабления репрессий явно недостаточно. Требовались более весомые, чем в недавнем прошлом, аргументы защиты и активные действия.

Если дело Синявского и Даниэля затронуло главным образом столичную интеллигенцию, то «процесс четырёх» всколыхнул разнообразные социальные и культурные слои. Оппозиционность либеральной общественности приняла новый масштаб: в книге Павла Литвинова «Процесс четырёх» собраны преимущественно коллективные петиции, подписанные в общей сложности 759 авторами. География протестных умонастроений отражает расширение идеологического спектра и политических ориентаций: в сообщество «защитников» кроме научной и творческой интеллигенции из Москвы включились Ленинград и Новосибирск, полуорганизованная националистическая оппозиция из Латвии и Украины. Преследуя свои только начавшие осмысливаться цели, деятели будущих националистических движений в республиках соли-

даризировались в протестных акциях с неконформистами из крупных российских городов. Свой голос присоединили «религиозники» (письма Анатолия Левитина (Краснова) из Москвы, священника Сергея Желудкова из Пскова), сторонники репрессированных по другим «диссидентским» делам. Таким образом, коммуникативным событием в письмах выступает не только «процесс четырёх», но и хронологически совпавшие с ним аресты инакомыслящих, проведённые в разных регионах страны (Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Ивано-Франковске). Так «несогласные» не только отстаивали претензии на легальность, как это было в предыдущем случае, но и претендовали на союзный размах, заявляли о массовости оппозиционных настроений.

Апробированные год назад формы социального противодействия – письма защиты, составление книги-отчёта о суде – используются вновь как социально значимые. Однако их семантика свидетельствует о дальнейшем размежевании власти и либеральной общественности, вызревании в среде неконформистов непримиримых настроений, определивших формирование диссидентства.

Знаковыми текстами петиционной кампании стали обращения «К мировой общественности» Ларисы Богораз, Павла Литвинова и «К деятелям науки, культуры и искусства» Ильи Габая, Юлия Кима и Петра Якира. Мировоззренческая позиция, сформулированная в них, определила не только специфику нарратива последующих посланий, но и поведенческую стратегию единомышленников арестованных.

«Обращение» Богораз и Литвинова было написано на третий день процесса, 11 января, *открыто передано авторами иностранным журналистам, толпившимся около здания суда*, и уже вечером прозвучало в эфире Би-Би-Си на русском и английском языках. Ориентация на «мировую общественность» свидетельствовала о принципиально новом повороте коммуникации – от представителей власти к «прогрессивным силам Запада» и сочувствующим соотечественникам. Причина смены адресата объяснялась без всяких попыток субординацию: «Мы передаём это обращение в западную прогрессивную печать и просим как можно скорее опубликовать его и передать по радио – мы не обращаемся с этой просьбой в советские газеты, так как это безнадежно» [6. С. 262]. Беспольной называлась, по сути, всякая попытка достучаться до власти, эффективным признавалось только давление на неё. Потому новым союзником провозглашалась зарубежная общественность, с мнением которой официальные органы считались. Заметим, что авторы настаивают на вынужденности подобного шага, апелляция к зарубежью для них – мера крайняя, рождённая логикой сопротивления.

В тексте ясно и недвусмысленно продекларирована необходимость не договариваться, а бороться с системой, поощряющей беззакония и судебный произвол. Именно так, «нарушением важнейших советских правовых норм», объясняют причины своего воззвания авторы. Оно начато с перечисления правонарушений, допущенных в ходе суда. Единственной приемлемой моделью гражданского поведения видится ультиматум: «Мы обращаемся ко всем, в ком жива совесть и достаточно смелости.

Требуйте публичного осуждения этого позорного процесса и наказания виновных.

Требуйте освобождения подсудимых из-под стражи.

Требуйте повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей.

Граждане нашей страны! Этот процесс – пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас. Вы сами избрали этот суд и этих судей – требуйте лишения их полномочий, которыми они злоупотребили» [6. С. 262]. Очевидна смена риторики с этикетной на обвинительную и поведенческой стратегии с «защитной» на «правозащитную».

При защите закона не столь важно, кто персонально даёт повод для протестов. Осмысливая роль представителей власти в процессе, адресанты дают понять, что те лишь рядовые исполнители. Суды, СМИ, КГБ – государственные институты, их деятели – функционеры, а потому конкретные персоны теряют значимость в ходе полемики. Спор идёт не с людьми, а с властью. Процесс отчуждения либеральной интеллигенции от государства набирает силу.

Эмоционально напряжённое воззвание Богораз и Литвинова программировало активные действия единомышленников. Показательно, что тональность других писем, система аргументации и предъявляемые в петициях требования зачастую прямо отсылают к «Обращению» Богораз и Литвинова (8 текстов из 29) или воспроизводят его без указания первоисточника, но с сохранением духа и сути. Коллективный автор писем формулирует причины своих воззваний следующим образом: невозможность мириться с нарушением важнейших советских правовых норм и Конституции, юридическая несостоятельность обвинений, тенденциозность суда (29 текстов из 29), недостаток и недобросовестность информации, нарушение гласности в ходе процесса (20 текстов).

«Литературное дело» Синявского и Даниэля не знало ничего подобного поведению А. Штельмаха. Своё «Открытое письмо» председателю Московского городского суда он снабдил списком 15 статей УК РСФСР, нарушенных в ходе процесса. Авторские комментарии не оставляли сомнений в обоснованности претензий к данному судопроизводству. Трудно, однако, предположить, что адресат не владел должной юридической компетенцией и нуждался в чьих-либо разъяснениях. Ясно, что и автор не намеревался просвещать председателя суда. Его цель была обличительная. Подлинным адресатом должны были стать единомышленники, читатели сам- и тамиздата, в очередной раз получавшие подтверждение вопиющих нарушений закона в ходе судебного разбирательства, дополнительный стимул для протестных акций и пример новой модели гражданского поведения. Как видим, в этом деле будущее правозащитное движение отрабатывало навыки рефлексии и проводило самоидентификацию.

Ссылаются на обращение Богораз, Литвинова и авторы воззвания «К деятелям науки, культуры и искусства». Солидаризируясь с товарищами в их возмущении беззакониями, učinёнными в ходе суда, Габай, Ким и Якир воспроизводят риторические приёмы, успевшие стать традиционными в поэтике защитных писем. Его побудительными мотивами названы «глубокая тревога за судьбу и честь страны», «зловещие симптомы реставрации сталинизма» – одни из самых распространённых обоснований петиционной активности во всех кампаниях. Самыми страшными злодеяниями современного режима названы искалеченные судьбы Синявского, Даниэля, Гинзбурга, Галанского,

Лашковой, Добровольского, недавно освободившегося после 10 лет лагерей Леонида Ренделя. Деятели науки, культуры и искусства провозглашены «наследниками великих гуманистических традиций русской интеллигенции», обязанными предотвратить сползание страны в неосталинизм. Как видим, позиция «защитник» глубоко укоренена в сознании адресантов. «Защитная» риторика в обращении (как, впрочем, и в тексте Богораз, Литвинова) сочетается с «правозащитной»: перечисление незаконных действий властей должно, вероятно, восприниматься читателями как самодостаточный аргумент для ответного противодействия. Дискредитация власти через перечисление допущенных ею нарушений основных правовых норм (друзья не допускаются в зал заседаний, свидетели защиты изгоняются после дачи показаний, нет гласности в освещении процесса и прочее) является частотным приёмом в письмах различных авторов.

Основной фигурой речи выступает антитеза: поведение представителей официальных органов в дни суда противопоставлено действиям друзей осуждённых, попытки власти реанимировать сталинизм – настроениям в обществе. Примеры неосталинизма почерпнуты из разных сфер советской жизни: неблагополучие в общественных науках и искусстве сопрягается с судьбой крымско-татарского народа, апология Сталина с высоких трибун упомянута наряду с унижительной слежкой за свободомыслящими гражданами. Авторы явно стремились к всеохватности для доказательства главной мысли: думающим людям нельзя медлить, надеяться на самостоятельное оздоровление общества не приходится. Есть лишь один способ честного поступка – сплочённое действенное сопротивление: «Мы понимаем: вы поставлены в такие условия, что выполнение гражданского долга – каждый раз акт мужества. Но ведь и выбора тоже нет: или мужество – или трусливое соучастие в грязных делах; или риск – или присоединение к васьковским и кедриным; или поступиться каким-то благом – или встать в ряд с жёлтыми борзописцами из „Известий” и „Комсомольской Правды”, посчитавшими для себя нравственно возможным публичный оговор людей, над которыми учинили расправу <...>».

Помните: в тяжёлых условиях лагерей строгого режима томятся люди, посмевающие думать. Каждый раз, когда вы молчите, возникает ступенька к новому судебному процессу. Исподволь с вашего молчаливого согласия может наступить новый ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД (выделено авторами. – Е.С.)» [6. С. 288].

Знаковые тексты петиционной кампании – обращения Богораз, Литвинова и Габая, Кима, Якира – зафиксировали смену мировоззренческой позиции коллективного автора. Позитивистское осмысление современности, присущее адресантам 1965–1966 гг., сменилось экзистенциальным восприятием времени и себя: проблема нравственного долга и морального выбора личности осмыслена как центральная в системе внутренней мотивации к социальному поступку. Глубоко драматичное переживание происходящего созвучно ощущению неразрешимого кризиса во взаимоотношениях с властью, раз за разом подтверждающей безучастность к попыткам интеллигенции сохранить демократические тенденции в общественной жизни.

Кризисное мироощущение повлекло новую риторику. Спокойный и сдержанный тон писем предыдущего процесса в этом сменился взволнованным и страстным. Авторы пророчествуют, вызывают и наставляют. Только

такая риторика видилась им адекватной происходящей в стране ресталинизации. На смену «просьбам», «предложениям», «выражениям озабоченности» пришли «требования» и «заявления». «Письма защиты» трансформировались в «письма протеста»: «настаиваем на своём праве присутствовать на процессе» (письмо 116-ти. В сборнике «Процесс четырёх» письма наименованы по количеству подписавших. Этот принцип сохранён нами. – Е.С.), «настаиваем на точном соблюдении законов о гласности судопроизводства» (заявление 42-х, заявление 31-го). «Требую отмены приговора суда и пересмотра этого дела в обстановке гласности (Б. Сазонов, А. Штельмах), привлечения к ответственности лиц, виновных в грубых нарушениях законности (письмо 121-го), (Л. Тымчук). «Требуем пересмотра судебных дел по политическим процессам последних лет» (Б. и Ю. Вахтины, С. Желудков), «амнистию политзаключённым» (О. Квачевский). Как видим, коллективный автор воспроизводит перечень требований, прозвучавший в знаковых текстах процесса. В зависимости от идеологических ориентаций авторов и лично их конкретной ситуации к перечню общих претензий добавляются персональные. Жена Петра Григоренко требует восстановления мужа в гражданских правах. Священник Сергей Желудков призывает обратить внимание на недопустимость преследования граждан за религиозные убеждения. Против «извращений в национальном вопросе» протестует украинская интеллигенция. В одном тексте могут перечисляться все известные автору примеры нарушений прав человека в Советском Союзе.

«Расфокусированность» внимания выдаёт желание авторов перечислить как можно большее количество примеров, способных возмутить сердца соотечественников, стимулировать их социальное неповиновение, продемонстрировать власть предрежающим нравственную стойкость оппозиции и убедить «прогрессивные силы Запада» в серьёзности неконформистских настроений в Советском Союзе. При этом существенно меняется аксиология писем. Уравнивая главных персонажей с фигурантами других процессов, зачастую не связанных с «делом четырёх», адресанты расширяют тематику настолько, что у читателя невольно теряются приоритеты. Важны ли конкретные люди – Гинзбург, Галансков, Лашкова, Добровольский, или они, наряду с потерпевшими от других судебных разбирательств, дают всего лишь новый повод для выражения общественного негодования? Можно обнаружить, что для коллективного автора, выражающего «глобальное возмущение», значим сам факт протеста, готовность проявить его в слове и деле.

Соответственно, мотивируя право восстать на государство, авторы писем используют этическую аргументацию, почерпнутую из нравственного кодекса революционера. Константами выступают самопожертвование во имя социальной справедливости: «Мне необходимо знать (знать, чтобы жить), ведает ли моя Родина об осознанности этого беззакония или опять по неведению судит своих детей, как в недалёком прошлом?

И если это так, если Родина знает и молчит, то я хочу просить мою Родину приобщить меня к делу невинно осуждённых» (Е. Шифферс) [6. С. 266]; преданность интересам страны и народа: «Мы потеряли отца во времена сталинских массовых репрессий. Он был посмертно реабилитирован. Мы не можем мириться с мыслью, что тот ужас, который пережила наша страна и наш народ в те страшные времена беззакония и зверств, может повториться

хоть в малой степени» (Б. и Ю. Вахтины) [6. С. 267]; духовная преемственность традициям освободительного движения: «мы были голыми, голодными, полунищими, но мы побеждали, потому что на первый план ставили освобождение человека от бесправия, надругательства, беззакония и т.д. И мы можем всё потерять, имея ракеты и водородные бомбы, если забудем, откуда есть пошла Великая Октябрьская социалистическая революция» (И. Яхимович) [Там же. С. 276]; сопричастность международной коммунистической борьбе: «Мы хотим <...>, чтобы наша общественность имела моральное право требовать освобождения греческих политзаключённых» (И. Габай, Ю. Ким, П.) [Там же. С. 288].

Итак, сопоставление образа коллективного автора писем двух процессов, 1966 и 1968 гг., выявляет динамику умонастроений либеральной интеллигенции. Сохраняя неизменной декларацию глубокой духовной связи с народом и страной, адресанты переживают отчуждение от государства, разуверяются в жизнеспособности системы. В ходе «петиционных кампаний» поведенческая тактика неконформистов претерпела трансформацию: от позиции «защитник» с утверждением приоритета морали над законом к позиции «правозащитник», основанной на требовании к государству осознать себя субъектом права и соблюдать Конституцию. Защита прав гражданина, по мнению правозащитников, и есть наилучшая форма защиты личности. Коллективный автор Писем Правительству в защиту инакомыслящих от уголовного преследования реализует поведенческую стратегию, легитимизированную общими усилиями. Активно тиражируя эффективные способы объяснения событий, приёмы высказывания, модели поведения, сообщество неконформистов укрепляло свою жизнестойкость и расширяло сферу функционирования.

Литература

1. Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления 1946–86 гг. Лондон : OVERSEAS, 1979. 123 с.
2. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: новейший период. М. : Моск. Хельсинк. группа, 2012. 384 с.
3. Суровцева Е. «Письмо Вождю» как эпистолярный жанр : его своеобразие и жанровые разновидности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39): в 2 ч. Ч. II. С. 162–165.
4. Белая книга по делу Синявского и Даниэля / сост. А. Гинзбург. М., 1966. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1967. 430 с.
5. Чуковский К. Дневник. 1901–1969: в 2 т. Т. 2: 1930–1969. М. : ОЛМА-ПРЕСС. Звёздный мир, 2003. 671 с.
6. Процесс четырёх : сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой / сост. и коммент. П. Литвинов. Амстердам : Фонд им. Герцена, 1971. 634 с.

Elena G. Serebryakova, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation).

E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 34, pp. 73–83.

DOI: 10.17223/2220836/34/7

“THE PROCESS OF FOUR” IN THE CONTEXT OF “PETITION CAMPAIGNS” OF SOVIET NON-CONFORMISTS OF THE 1960S: THE FORMATION OF AN IDENTITY “HUMAN RIGHTS ACTIVIST”

Keywords: dissidents; non-conformists; models of behavior.

The author analyzes the behavioral strategies of Soviet nonconformists of the 1960s and 1970s, tested during defensive actions on the “Sinyavsky and Daniel case” and “the process of four”. The purpose of the article is to trace the dynamics of the collective consciousness of the liberal intelligent-

sia. The material was composed by the “defensive letters” collected by Alexander Ginzburg in the “White Book on the Sinyavsky and Daniel case” and Pavel Litvinov in the proceedings “The Process of Four” and sent to various state institutions. Their analysis allows us to identify the specifics of the non-conformist position and to detect the transformation of behavioral strategies.

Show political trials of the 1960s and 1970s became the method of preventing intellectuals sympathetic to non-conformists. The liberal Soviet intelligentsia saw in them a symptom of the country's return to Stalin's methods of legal proceedings and took non-conformists under protection.

The author characterizes the “Sinyavsky and Daniel's case” (1966 y.) as the “literary” case. The writers were accused of the wrong behavior of the Soviet writer, specifically of the publication abroad the works of anti-Soviet nature. The defenders were mainly creative intelligentsia, in solidarity with Sinyavsky and Daniel in demanding freedom of creativity. Defensive actions included collective letters to the Government. Their authors sought to give a complimentary assessment of the personality and creativity of writers, to convince the authorities in the innocence of the accused.

The trial of Ginzburg, Yuri Galanskov, Vera Lashkova and Alexei Dobrovolsky (1968 y.) cannot be called “literary”. The authorities gave it an emphatically criminal character. Defensive actions rallied the intelligentsia not only of the capital, but also of other major cities. The scale of the petition campaign can serve as evidence of wideness of protest moods in the society. The addressees experienced alienation from the state, lost faith in the viability of the system. “Letters of Defence” were transformed into “letters of Protest.” The authors of the letters did not ask for, but demanded to review the results of the “process of four”, to release the arrested on nationalistic and religious matters in various cities of the USSR. Arguments have shifted from the moral sphere, which was characteristic of the first process, to the legal field. The authors of the letters sought to demonstrate to the authorities the moral firmness of the opposition. Defensive rhetoric in the letters was replaced by a human rights one. The rights of a citizen, according to the authors, was the best form of personal protection.

During the “petition campaigns”, nonconformists practiced behavioral strategies, asserted the right to social existence and expanded the scope of functioning.

References

1. Svirskiy, G. (1979) *Na lobnom meste. Literatura npravstvennogo soprotivleniya 1946–86 g.* [On the frontal spot. Literature of moral resistance, 1946–86]. London: OVERSEAS.
2. Alekseeva, L. (2012) *Istoriya inakomysliya v SSSR: noveyshiy period* [History of dissent in the USSR: the latest period]. Moscow: Moscow Helsinki Group.
3. Surovtseva, E. (2014) “Pis'mo Vozhdyu” kak epistolyarnyy zhanr: ego svoeobrazie i zhanrovye raznovidnosti [“A Letter to the Leader” as an epistolary genre: its originality and genre varieties]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 9(39), pp. 162–165.
4. Ginzburg, A. (1967) *Belaya kniga po delu Sinyavskogo i Danielya* [The White Paper On the Case of Sinyavsky and Daniel]. Moscow; Frankfurt-on-Main: Posev.
5. Chukovsky, K. (2003) *Dnevnik. 1901–1969: V 2 t.* [Diary. 1901–1969: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: OLMA-PRESS Zvezdnyy mir.
6. Litvinov, P. (1971) *Protsess chetyrekh: sbornik materialov po delu Galanskova, Ginzburga, Dobrovol'skogo i Lashkovoy* [The Process of Four: a collection of materials on the case of Galanskov, Ginzburg, Dobrovolsky and Lashkova]. Amsterdam: Fond im. Gertsena.